

Знаешь, когда Падам получала письмо от троюродного брата из Бельгии, то она, мило улыбаясь, прыгча поспешно объёмные пластмассовые красные бигуди под белым платком, выбегала босиком, попеременно приподнимая то одну ногу от холода на голубом кафеле, то вторую, кутаясь в незастёгнутую синюю тужурку, навстречу почтальону. А почтальон размахисто отбивался ногами, руками, портфелем, пытаясь всячески отогнать овчарку Падам, и чуть не сваливался в иссохший куст сирени, покрывшейся инеем.

— Рекс на добрых людей не лает, он только на злых людей лает, — расплывалась в улыбке Падам.

Злые получались все, кроме неё.

Получив заветный конверт, она заваривала турецкий кофе и разливала в чашечку размером с напёрсток. Садилась на табуретку и изучала тщательно конверт, пытаясь подсветить дневным светом и прочесть письмо, не открывая. Ножилом аккуратно срезала верхний угол конверта, сжимала по бокам так, что он округлялся, как рот. Словно она доктор и собиралась дать микстуру. Бережно доставала четырёхстраничные листки, раскладывала по несколько раз и принималась трести конверт, будто бы пыталась выбить из него что-нибудь ещё. Снова оглядывала письмо изнутри. Но там ничего не было, кроме пустоты, привезённой из Бельгии. В отражении турки её карие глаза изучали серое небо за окном, а нижнюю губу она недовольно поджимала в сторону, пытаясь изобразить трубочку. Раньше, в первых двух письмах, троюродный брат присылал деньги, но в последующих они отсутствовали.

Она безразлично скомкала письмо, и бумага яростно зашуршала и заскулила, словно Рекс на гостей. В письме троюродный брат рассказывал, что семью хотят выселить из страны за неимением доказательств, которые помогли бы сдать и получить гражданство. Он просил подговорить родственников написать письма для подтверждения о якобы существующей на него кровной мести, из-за которой он не может вернуться домой. Но Падам не могла знать обо всём этом, так как это письмо выбросила в мусорное ведро. И, напевая под нос что-то вроде «тром-пом-пом-пом-пом, тром-пом-пом», прыгая на месте, движениями рук

изображая колёса поезда, направилась в спальню, разбрасывая хаотично бигуди.

Падам работала библиотекарем в отделе детской литературы в Доме культуры, некогда разбомблённом в войну. Поклонница Че Гевары, полотен Фриды Кало, могла с лёгкостью отличить картины Мане от Моне, восхищалась боями Мухаммеда Али, а вечера в однокомнатном коттедже, выделенном в советское время как лучшему молодому специалисту, наполняла шипящими, словно дождь, пластинками с американской музыкой шестидесятых, играющими на потрёпанном временем проигрывателе. На любопытное окружающих: «Как дела?» — отвечала по-чеховски: «Ангел мой, вашими молитвами». А иногда долго рассматривала муху на окне в кабинете библиотеки. Мы, зная её, продолжали ждать, рассматривая разноцветных пластмассовых рыбок, висящих над её столом, которые напоминали леденцы.

— Вы знаете, — говорила Падам, не отрывая взгляд от окна, — вот я смотрю на эту муху и думаю: какая же ты всё-таки, муха, счастливая. Муха, ты не должна думать о том, что нужно заплатить за газ, за свет, за воду, погасить кредит, и тебе наверняка Маржан с улицы Первомайская не должна семнадцать тысяч рублей вот уже три года. Муха, какая же ты всё-таки счастливая: ты не должна беспокоиться о седеющих волосах на голове, на покраску которой уходит три тюбика краски из-за чрезмерной густоты моих волос... Наверное, поэтому меня мама прозвала Анджелой Дэвис. И тебе не платят семь тысяч рублей в месяц, на которые ты должна всё это оплатить и ещё прожить. Муха, ну какая же ты всё-таки счастливая...

Раздавался шлепок мухобойки. Удар как мечь.

Но, оказавшись на встрече с однокурсниками в Грозном за чашечкой чая в подвальном кафе, где верхушки зданий растрепала война, она превращалась в пресыщенную богатством даму. Стоило кому-то из подруг похвастаться, что подарили золотой браслет, Падам тихо восклицала:

— Хм... всего лишь?..

Хвастались кожаными сапогами за двадцать тысяч рублей. Все ахнули! А Падам изобразила трубочку губами и только вставила:

— Да?.. Всего лишь?

И даже когда однокурсница из Москвы тихо прошептала, что бывший муж перед разводом подарил двухэтажный дом, и все запищали от восторга, Падам, откусывая жадно большой кусок наполеона, протянула:

— М-м-м... и всё? Всего лишь?!

У Падам было много друзей, но с каждой они расходились. Одной подруге, Пэкэй, не нравилось то, что Падам не вставляла фразы: «А потом я пошла молиться... И когда я собиралась молиться...» — Я верующий человек, а не религиозный, — утверждала Падам.

Нет, она не говорила это всё перед людьми, только когда одна в своей комнате, перед искусственными разноцветными рыбками. И вообще, ей нравилось повторять слова Иосифа Бродского, что человек — это сумма поступков, а не то, во что он верит или на что уповаает.

Падам часто устраивала пикники для детей у озера, осенённого тремя старыми дубами и двумя ивами. Но брала не всех. Я учился тогда в третьем классе, и, собственно, после рассказов об этих турпоходах захотелось быть в этой тусовке Падам. Когда в очередной раз мои родители решили, что надо ворота сделать не с улицы, а со стороны огорода, и перекраивали сваркой забор, я решительно направился к Падам уговорить взять в поход, и так как нервничал, то употреблял беспорядочно слова. — Оло-ло-о-о! Оло-ло-о-о! Не на поход, а в поход... Не на выходные, а в выходные, — подправляла Падам сбившиеся каштановые локоны с лица, болтая ногами то вперёд, то в стороны.

Казалось, что она нервничает и хочет придумать причину, чтобы не брать, но наконец её нашла: — Ты слишком мал!

— Я очень большой, Падам. Несколько раз мама оставляла до восьми вечера во дворе играть и даже доверила помогать с готовкой торта на день рождения дяди. Я за три месяца прочитал двенадцать книг и ещё прочту...

— Нет, нет и ещё раз нет, — крутила она в руках виниловую пластинку Элвиса Пресли «That's all right»¹, — никогда не возьму. Ты чересчур маленький. И брать такую ответственность я не собираюсь. Оло-ло-о-о-о! Ты маленький. Нет, нет и ещё раз нет. Милана принесёт пирог, Зелим — рис и помидоры, Ризван... огурцы...

— А я принесу несущку! — перекричал я гавкающего на меня Рекса.

— Отлично! — захлопала в ладоши Падам. — Мы устроим шашлычный день. Супер! Су-у-упер!

И я, словно оказавшись героем книги «Алиса в Стране чудес», благодаря нашей несущке по кличке

Шарлотта неожиданно подрос и возвысился над Падам до нужных размеров. Так и надо этой Шарлотте, она пару раз клонула мою руку, когда приходил за яйцами. Но когда мы возвращались с барбекю по пыльной дороге, невероятно счастливые, где отовсюду пахло ромашками, издалека навстречу нам мчалась чёрная «Волга», на крыше которой были рулоны обоев, а из окон торчали деревянные плитусы. Я так и знал, что и в это лето не обойдётся без ремонта. Не успел дым пыли рассеяться, мы с детьми и Падам откашлялись, как переднее стекло опустилось, и мой папа закричал: — Падам! Как же ты нас всех достала с этими барбекю! Дурачишь детей. Дома не сидишь. Когда же ты успокоишься?!

Папа продолжал что-то выкрикивать, не выходя из «Волги», в то время как Падам, в огромных чёрных солнечных очках на пол-лица, как у черепашки Тортилы, в чёрной обуви на высокой платформе, в белом широком платье с короткими рукавами, раздувшемся, словно парус, придерживая магнитофончик, из которого доносилось тихое «Barbie Girl»² группы «Aqua», не сбавляла шаг и делала вид, что ничего не происходит.

Она, как и в случае обнаружения конверта без денег, поджала нижнюю губу в сторону и изображала трубочку. Она даже не повернулась в его сторону, пока я и остальные дети, испуганные, с опущенными головами, шли за ней, поправляя на головах огромные кораблики, сделанные из газет «Ленинан некъ»³, которые достала Падам из чулана. В руках мы держали полевые букеты, которые она попросила отдать мамам, чтобы нас непременно отпустили в следующий раз. И мы поплыли дальше.

Под левой бровью у Падам глубокий шрам. Странно, но когда военные в войну проводили обыски в её доме, то им показалось, что она настоящая снайперша. Но Падам просто в детстве была очень впечатлительной. И кто-то из одноклассников сказал, что если взобраться на крышу, разогнаться и поднять руку вверх, то можно взлететь в небо. Но нужен специальный синий костюм с красными полосками. Падам сшила синий костюм с короткой юбкой, залезла на крышу благодаря высокой груше, которая росла у сарая. Зажмурила глаза, подняла кулак вверх и полетела, только не в небо, а свалилась в грудку арматуры и ненужного железного хлама, который сосед собирался сдать в металлолом и заработать много денег. Но вместо полёта в небо волшебство приковало тогда её к постели, и пришлось пару месяцев побыть на земле.

Падам часто играла в одну игру. Вернее, эта игра появилась во время войны. Когда сильно бомбили, то приходилось покидать дом и спускаться в соседний подвал. Падам представляла: а что, если она последний раз видит дом целым и на него

1. «Всё в порядке» (англ.).

2. «Девочка Барби» (англ.).

3. «Путь Ленина» (чеч.).

обрушится настоящая бомба? Хм... интересно, а что она хотела бы взять с собой, если бы можно было бы прихватить только один предмет, который она считает невероятно дорогим и ценным? Иногда она забирала паспорт, иногда проигрыватель или пластинки американского джаза, разноцветных искусственных рыбок или турку, кошелек... Однажды она спустилась в подвал с литровой законсервированной банкой, переполненной её мечтами. Падам под Новый год написала на маленьких листочках сто желаний, скрутила каждый в трубочку и наполнила пустоту банки. Сначала все смеялись над Падам, но потом обзавидовались её мечтам, словно их присутствие в банке гарантировало, что они непременно сбудутся.

Странно... После войны она стала думать и переживать не о том, что дома может не стать, а о том, что она может перестать вообще существовать. Да, она исчезнет навсегда, а всё это останется... То есть это будет игра наоборот. Это настолько её впечатлило и растрогало, что она уселась на ступеньки и не пошла на работу. Рекс лаял на всех прохожих в тот день. А она тихо повторяла сквозь слёзы: — Рекс на добрых людей не лает, он только на злых людей лает.

Её заржавевший и покосившийся низкий забор покачивался от ветра, а на нём надпись Падам, ещё с войны: «Лучше ужасный конец, чем ужас без конца».

Когда к Падам приходили племянники, то я часто видел, как один бегал по крыше, другой взбирался на её любимое абрикосовое дерево, а остальные носились с её пластинками Элвиса во дворе, изображая гитары. И, наконец, звучал спасительный сигнал с оранжевой «пятёрки», словно кто-то бросал оранжевый спасательный круг, её брата Щавэда, и племянники, утомлённые и пресыщенные свободой у Падам, уезжали домой.

— Как хорошо, что ушёл этот шум, — со вздохом говорила Падам о племянниках, от всего сердца посылая воздушные поцелуи вслед исчезающей машине.

Когда Падам ушла на пенсию, то открыла аптеку в Грозном. Это была наспех сколоченная пластмассовыми белыми листами коробка на деревянном, приподнятом кирпичами полу. Аптека находилась рядом с клёном у Старого рынка, где мыли разноцветные ковры на асфальте. И когда поднимался сильный ветер, то ковры, как в сказке про Аладдина, вздымались вверх, аптека Падам тоже приподнималась и с грохотом сваливалась вниз в тот момент, когда она на стульчике пыталась красить губы в малиновый цвет. Так сносило аптеку много раз. Падам просверлила несколько отверстий у подножия пластмассовых стен и верёвкой привязала к кирпичам.

Брат Падам жил недалеко от их улицы. Она называла его Щавэд, так как имя Рашид ей казалось

невероятно скучным. Каждый раз, когда Щавэд приходил к ней, то в ответ на её стенания о домашних проблемах, долгах и о том, как тяжело справляться одной, он, внимательно дослушав, мерил под виноградным навесом асфальт шагами. — А... ну... раз, два, три, — маршировал Щавэд в сторону Падам. Просил её отойти назад. — А теперь... раз, два, три.

Когда-то Падам заикнулась, что хотела бы построить летнюю кухню, и тогда Щавэд отмерил иллюзорно эти метры. На этом вся бойкость и напор помощи закончились. И с тех пор, когда она говорила об увольнении с работы или отсутствии лицензии на открытие аптеки, он мерил пространство: — А ну... раз, два, три! Отойди! Раз, два, три...

Падам ещё любила выносить пять деревянных вешалок, на которых висели платья её мамы и четырёх сестёр, без вести пропавших в войну. Она цепляла вешалки с платьями на абрикосовое дерево, включала пять фонариков под платьями, так что платья светились. Наверное, Падам это давало ощущения теплоты и присутствия этих людей. Она наливала чай с чабрецом и разговаривала про себя с этими платьями, как будто они были живы. А потом складывала их бережно в сундук. Она стирала их и гладила, как будто бы их кто-то носил.

А потом Падам неожиданно куда-то исчезла, а в доме поселились какие-то новые люди, которые приехали из города Шали. Они разровняли экскаватором дом, виноградный навес, будку, в которой когда-то была аптека, и даже снесли ворота с надписью: «Лучше ужасный конец, чем ужас без конца». Кто-то сказал, что она уехала к троюродному брату в Бельгию. Папа ещё вспоминал, как она в анкете на вопрос: «Блондин или брюнет?» — отвечала: «Да хоть лысый, лишь бы был».

— Просто она вцепилась в эту карьеру, — говорил папа, когда Падам шла с работы, счастливая, придерживая пластинки с американским джазом шестидесятых, её белое платье раздувалось, словно парус, обувь на высокой сплошной платформе, а навстречу бежал её Рекс и лаял на всех прохожих. — Рекс на добрых людей не лает, он только на злых людей лает.

До библиотеки Падам работала на ферме и вышла замуж за мужчину, которого звали Япон. Фраза на чеченском языке «Японе яхна» звучит как «вышла замуж за Япона» и как «поехала в Японию». Тогда было модно называть детей Германами и Японами. Молва о замужестве стремительно прошла по ферме. Разъярённые доярки тогда поехали разбираться к самому директору совхоза: как это так?! Они по десять и по пятнадцать лет работают на ферме, а Падам только недавно устроилась на работу, и её отправляют в командировку в Японию. За какие заслуги? За какой многолетний труд? Директор быстро смекнул, в чём дело:

— Что вы все от меня-то хотите?! Так поезжайте в село, там на улице Шекспира живёт этот самый Япон. Может, он и вас возьмёт в жёны.

Про этого Япона можно было бы сказать, что он был величествен в своём молчании. Иногда, и даже очень редко, из его уст слетало: «Я этот... этот я». Но никогда так и не завершал фразу.

— А какая у него была успеваемость в школе? — поинтересовалась мама Падам, учительница по профессии, узнав, что родственники собираются просить руки дочери.

Она смотрела только на успеваемость потенциальных женихов Падам.

Не знаю почему, но с тех пор, как она переступила порог дома Япона, что-то невообразимое начало твориться в их доме. То телята сдохли, то овцы, то обрушился потолок на кухне. Шифер протекал, потолок оказался саманным, и поэтому он свалился на них, когда пили чай с абрикосовым вареньем. Ещё трактор их соседа случайно наехал на любимую клумбу матери Япона по имени Саждат и уничтожил все розы.

Саждат она называла тайно Ключницей. Из-за того, что все ключи от двух домов во дворе, сараев, кухни находились у неё. Когда она шла, то легко можно было узнать по своеобразному звуку звенящих ключей. С мужем Ключница не разговаривала уже двадцать лет, хотя они жили вместе. Говорят, что она чем-то расстроила мужа, и поэтому он не может до сих пор простить её.

Япона уволили с работы, и его никуда не брали. Их семья попадала то в больницу, то в аварию, то мучили головные боли, то высыпания на коже, то перегорали лампочки в комнатах. Но ответ пришёл всему происходящему не сразу. Падам не ожидала, что ответ внезапно настигнет. Она бежала весело домой с работы, не замечая, что происходит вокруг. Оказывается, несколько пожарных машин оцепили улицу. Люди с ведрами пытались потушить пожар в хлеву. Хорошо, что овцы и коровы с утра паслись на поле и совершенно не подозревали, что происходит дома. А пожилые женщины сочувствовали Ключнице. Её тучная фигура стояла, как скала. Могучие руки она скрестила в ладонях за спиной. А муж её сидел тихо, опустив голову, рядом на деревянной скамейке, иногда поглядывая на происходящее. Она долго смотрела и не отвечала никому ни на сочувствия, ни на что и поджигала губы. И наконец из её глаз покатилась слеза. — Как только эта невестка Падам переступила порог нашего дома, так весь достаток и покинул нас! — заявила она утвердительно, посмотрев на Падам, которая только начинала вникать в происходящее и активно облизывала вафельный рожок с мороженым.

Да Падам сама собиралась уйти от этого Япона. Он уехал в Гагру и всё время разрисовывал там стены. Когда ему ни позвонишь — то замок

расписывает в спальне, то цветы на кухне, то Белоснежку и семь гномов в детском садике. И когда Ключница шла с мукой в сторону кухни, кто-то спросил, где же Япон и почему его не видно. Она повысила голос в ответ:

— Он звёзды... звёзды сейчас рисует в Гагре!

И пошла дальше. А Падам ринулась собирать вещи. Ведь не случается вот так, что неожиданно человек осознаёт, что всё закончилось. Всё начинается постепенно. И потом как прорываются восклицательные знаки, после бесконечных многоточий и запятых. И, погрузив чемоданы с вещами в оранжевую «пятёрку» Цавэда, Падам развернулась и ринулась в кухню Ключницы, откуда забрала четыре рожка с фисташковым мороженым, которые она собиралась съесть вечером за просмотром индийского фильма «Жажда мести».

А через два дня Падам вернулась снова к Ключнице и долго ходила по огороду, не могла найти три полотенца, которые повесила пару дней назад на бельевую верёвку. Оказывается, когда поднялся сильный ветер, то полотенца совершили небольшое путешествие до соседних теплиц.

А ещё под абрикосовым деревом, где висели подсвеченные пять платьев, стояло пианино без клавиш. Когда разворовывали Дом культуры в войну, она притащила это пианино, погрузив его с Цавэдом на оранжевую «пятёрку». Брат не мог понять, зачем ей пианино без клавиш. С пианино сняли все клавиши и украли. Но Падам объясняла, что ей жалко инструмент, так как он остался без главного и теперь точно никому не был нужен. И это очень несправедливо.

Единственный человек, с кем она продолжала переписываться и сохранять общение, кроме троюродного брата из Бельгии, это был киргизский друг из Бишкека, бывший одноклассник. В школе они основали рок-группу и играли для друзей, мечтали покорить мир. Падам музицировала на пианино, а он ритмичным постукиванием поддерживал фон на двух металлических ведрах. Их группа называлась «Клавиши Падам». «Всё это... весьма не бессмысленно», — говорил их директор школы.

«Ничего, скоро мы выстрелим!» — писал киргизский друг многозначительно в письмах, адресованных шестидесятитрёхлетней Падам, усиливая сказанное восклицательными знаками, имея в виду прорыв в карьере в будущем знаменитой группы.

Падам действительно выстрелила отцовской охотничьей винтовкой поверх головы брата, когда снова пришла его жена жаловаться, что Цавэд пьёт. С тех пор он больше не выпил ни одной капли.

Последний раз Падам приходила к нам в четверг с пиапой, наполненной конфетами. У нас принято по четвергам раздавать что хочешь из еды в трёх семьях. Падам долго о чём-то говорила, вспоминая детские дискотеки и посиделки в библиотеке, вдрут как-то замялась и произнесла, улыбаясь:

— Говорят, в аду будет очень жарко. Интересно, как это я туда... со своим высоким давлением?

Мы не знали, что ответить.

Когда новые хозяева рубили абрикосовое дерево, то мне казалось, что вместе с ветками дрожат все эти платья. Но их не было. Одна из незнакомых женщин, которая сжигала будку Рекса, в какой-то момент напомнила Падам из-за широкого белого платья.

Она надевала летом только белые широкие платья с короткими рукавами. А на голове я часто замечал, когда она подметала во дворе, огромный кораблик на голове, сделанный из газеты «Ленин-ан некъ». И так как её забор был невысокий, то кораблик из газеты проплывал то в одну сторону, то в другую. И красовалась большая надпись на заборе: «Лучше ужасный конец, чем ужас без конца».

Говорят, что Падам уехала в Бельгию к троюродному брату с надеждой найти продюсера, чтобы

возродить рок-группу «Клавиши Падам». Но при входе в аэропорт охранники спросили, что в бумажном стаканчике, а там было не что иное, как кофе. Она пошутила:

— Бомба!— и громко засмеялась.

Её задержали, потом отпустили, но самолёт вылетел без неё. Пришлось выбрать другой рейс, только на следующий день.

Просто... Я хотел сказать, что во втором классе всех заставили написать письмо Деду Морозу и попросить всё, чего хотим. А так как я не любил читать книги, а родители заставляли, то попросил Деда Мороза, чтобы в Дом культуры свалилась настоящая бомба и взорвала его, чтобы не приходиться туда больше за книгами. И под Новый год в Дом культуры действительно упала настоящая бомба и всё там разнесла. Я всё время намеревался рассказать об этом Падам, так как чувствовал вину, но так и не решился. Но клавиши точно не я украл.